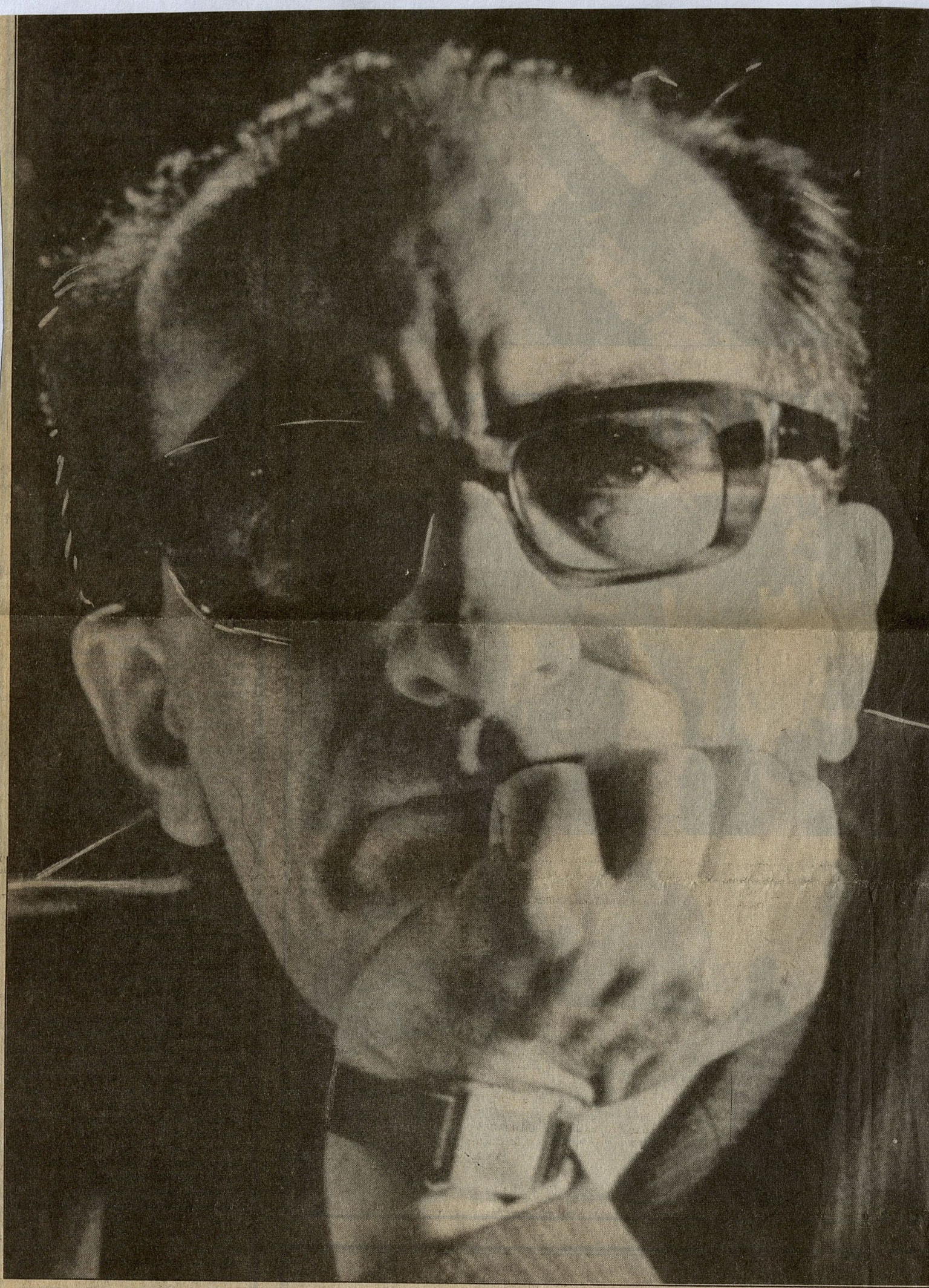

Наследие

БДТ. Сколько в этих звуках ностальгически близкого. От них теплеет душа, сердце наполняется гордостью, а в памяти возникают имена людей, ставшие для каждого частью его духовного наследия. Но есть среди любимых нами имен - имя, которое каждый актер БДТ произносит с особой детской благодарностью, по-своему страдая от потери. Мастер, Учитель, Отец театра. Георгий Александрович Товстоногов. Среди коллег и учеников - просто Гога. Имя его носит театр, родившийся 75 лет назад. У колыбели стояли энтузиасты русской культуры - Максим Горький, Александр Блок, Мария Андреева...

Призвание театра

Ирина ГОРЮНОВА

Товстоногов возглавил Большой драматический в 1956 году. С той поры его режиссерский дар, глубокий интеллект и педагогическое провидение определили судьбу этого театра и во многом - отечественного театрального процесса.

Георгий Александрович ставил перед собой и артистами непростые вопросы: «Как найти кратчайший путь к сердцу и разуму своих современников?» Для него ремесленничество было столь чуждым, а правда и поэзия живой жизни столь естественными, потому что он, художник, никогда не занимался самовыявлением. Не случайно Товстоногов не так легко узнаваем, как, скажем, Любимов или Эфрос. Образное сценическое решение каждого спектакля не могло быть им найдено вне пьесы, вне художественной концепции того или иного автора. Если же Товстоногов и спорил с автором, то лишь «стоя на его позиции». В этом легко убедиться, вспомнив постановки пьес Александра Володина. Режиссер доказал, что масштаб пьесы, ее философский смысл и эмоциональная сила определяются не числом действующих лиц и не местом действия, а глубиной нравственных, этических и моральных проблем жизни. В противовес пафосной и псевдогражданственной драматургии Товстоногов защищал и блестяще реализовывал «Пять вечеров» и «Мою старшую сестру», раскрывая глубину и жизненную объемность володинских пьес.

«Самое удивительное в театре - контакт», - считал Товстоногов. Контакт сцены и зри-

тельного зала, человека на сцене и человека в зале. Георгий Александрович изучил не только сценические чувства артиста, он всю творческую жизнь изучал законы отношений артиста и зрителя. Создавая климат зрительского доверия, необходимое условие диалога, Товстоногов строил ассоциативный театр. Придавая большое значение его развлекательной функции, Мастер в любом жанре находил средства для выражения идейного и драматического контрапункта. Взять хотя бы «Хануму», где в пластическом и музыкальном языке, в самом беззаботном сюжете рождались серьезные ассоциации. И эта «вторая материя» была выражена в грустных глазах персонажей картин Пиромани, окружавших сцену, и звучащим рефреном, взволнованно-торжественным, горбатым голосом Товстоногова, с упоением читающим любовные строфы Орбелиани.

О Товстоногове не раз писали как о собирателе различных режиссерских школ и методов: Станиславского, Мейерхольда, Таирова, Вахтангова. Сам Товстоногов называл свой театр поэтическим. А неотъемлемой его чертой считал многозначность. Говоря о коллегах-современниках, он не скрывал: «У Любимова хорошо бы взять фанатизм, страстность в достижении целей, самодовлеющую театральность. У Эфремова - тонкое понимание современных выразительных средств актера. У Эфроса - завороченность магией театра, узнаваемость во всем, что «делает». Но Георгий Александрович Товстоногов строил свой театр, формировал свою эстетику, воспитывал своего актера. Актера, соединяющего в себе высшую актерскую эмоциональность с самос-

тоятельным интеллектом. Разве не таковыми явились? Иннокентий Смоктуновский, Павел Луспекаев, Кирилл Лавров, Сергей Юрский, Олег Басилашвили, Евгений Лебедев, Лариса Малеванная, Людмила Макарова, Ефим Коппельян, Олег Борисов, Владислав Стрелечник и многие другие?»

Товстоногов безгранично верил в актера, любил его, но ненавидел «актера - докладчика роли». «Величие и скромность нашей профессии заключаются в том, чтобы всю свою душу, весь пыл ее, всю фантазию отдать актеру», - говорил Мастер. Товстоноговские артисты, столь разные по характеру своего дарования, похожи в одном: в существовании их на сцене, в роли всегда есть некая загадка, которую зритель в определенный момент спектакля должен разрешить. Его актеры всегда впереди зрителя. Они не дают нам возможность предугадать то, что совершат через минуту. Все дело здесь во внутреннем психологическом рисунке, в точном отборе средств актерской выразительности. Вспомним, сколь неожиданной показалась многим трактовка Бессеменова («Мещане» Горького) Евгением Лебедевым. Там, где предшественники замечали лишь узкую щель собственнической психологии, открылась натура многосложная, мучительно страдающая, цельная. Слово через душу Бессеменова - Лебедева прошла трещина, расколовшая социальное здание старой России.

Сегодня нет смысла советовать на то, что классику ставят мало. Вновь и вновь мы лицезрим новые трактовки пьес Чехова, Островского, Достоевского, Гоголя. Жаль, что чаще это иллюстрация, режиссура - социальный

анализ времени. Но совсем редко - эмоционально-образная суть классических пьес или романов. Форма сценического воплощения классики сегодня чаще умозрительна, далека от современных особенностей восприятия того или иного автора и произведения. Во многих нынешних постановках есть режиссерский и актерский профессионализм, который держит спектакль. Но нет того, что было в спектаклях БДТ, - гражданского темперамента. Того самого, что у дяди Вани и Хлестакова - Басилашвили, у Маши из «Трех сестер» и Монаховой из «Варваров» - Дорониной, у Вершинина - Коппельяна, у Чацкого - Юрского, у Рогожина - Лебедева...

Товстоногов признался как-то, что мечтал о работе над пьесами Чехова всю жизнь. И что это был самый радостный и самый ответственный экзамен на право считать себя современным режиссером. Экзамен этот Георгий Александрович сдал с самой высокой оценкой. Для меня чеховские спектакли Товстоногова - вершина БДТ и его эстетики. Именно в них - тот самый темперамент и та сила, с которой стремился к преобразованию человеческой души, к пробуждению идеалов, гражданский гнев против трагического бездействия - все это с невероятной художественной силой передано Товстоноговым и артистами Большого драматического. Разве не в этом состоит призвание театра?

Не физическая смерть ужасна - страшно умирание моральное, духовное. Таков финальный аккорд Чехова - Товстоногова. Услышим же его.

Рос. Вести, - 1994 - 26 февр. - 43